

КИНОФИЛЬМЫ с участием народного артиста СССР Алексея Владимировича Баталова —

«Летят журавли», «Девять дней одного года», «Дело Румянцева», «Бере» — давно уже стали

Наши интервью
Ленинград. правда. — 1990. — Золотой

Алексей БАТАЛОВ:

«Помогать»

неотъемлемой частью нашей культуры, своеобразной визитной карточкой советского кинематографа. Много ли у нас таких актеров, вызывающих всеобщую симпатию зрителей с первого же своего появления на сцене или экране? Кого бы ни играл Алексей Баталов — современного рабочего паренька Журбина или дворянина Федора Протасова, — актер всегда современен, понятен и близок зрителям.

Популярному артисту не приходится жаловаться на отсутствие предложений, но он не спешит сегодня сниматься. Вот если, говорит, «подвернется что-то действительно интересное, вроде роли в фильме «Москва слезам не верит», тогда стоит все бросить, крутиться, работать по ночам».

— Алексей Владимирович, если проследить ваши работы в кино, то можно прийти к выводу, что удачи сопутствовали вам одна за другой. Так ли это, или все-таки случались и «проколы»?

— На мой взгляд, вообще все из заклейменных проколов и состоит, но это характер у меня такой. Где-то у мамы в чемодане лежат старые пожелтевшие рецензии. Если бы вы их прочитали, то узнали бы, что все картины, в которых я играл, все мои роли очень ругали поначалу.

После выхода фильма «Летят журавли» полгода в центральных газетах писали, что эта картина безыдейная, так как в ней жепщина изменяет солдату. Обвинение по тем временам нешутливое. «Дама с собачкой» тоже была обругана солидным и почитаемым тогда критиком в журнале «Искусство кино». Меня упрекали в том, что сыгранный мною в «Бере» Голубков получился каким-то слабым, беспомощным, в общем — отрицательным, а не положительным. И про фильм «Москва слезам не верит» говорили: это «пошлость, голливудское жульничество». И все абсолютно соглашались — такого героя не бывает. Но у меня есть письмо, где написано: «Вы сыграли мою судьбу, живого человека». Что ж, я буду это письмо предъявлять? Последняя формулировка критики в адрес фильма — уже после присуждения ему «Оскара»: «Это феномен, в котором надо разобраться...»

Так что предположения о постоянной удачливости, ощущении благополучия не соответствуют действительности. Я вспоминаю, как страдали Калатозов, Урусевский, которые вложили в фильм «Летят журавли» всю меру таланта, честности, души. Ромм, которому предсказали на художественных советах полный провал кар-

тины «Девять дней одного года», из которой вырезали к тому же лучшую сцену, боролся за фильм самоотверженно. Ни знания, ни опыт, ни мастерство, ни талант, ни всемирный успех не могли защитить от бредовых требований и оценок.

Впрочем, так было всегда. И до нас плохо удавалось угадать, что будет определять уровень мировой культуры. Известно, что из картины, которой Ван Гог расплатился со своим хозяином, тот сделал дверцу в курятнике. Это потом ее оценили в 40 миллионов. Чехов, например, строил дом под долговое обязательство. И Пушкин умер в долгах...

— Вы являетесь председателем комиссии ВЦСПС по премиям в области литературы, искусства, журналистики. Легко ли сегодня в потоке самых разнообразных произведений определить лучшие?

— Нелегко. Надо сказать, что перестройка оказалась взрывом такой силы, который на поверхность жизни вместе с бесценными сокровищами вывернул и всякий хлам. Поток подделок и сочинений разного толка буквально захлестывает, напоминает не столько хрустальный родник культуры, сколько сель. Талантливых людей, конечно, сколько было, столько и осталось. Но претендующих на искусство сильно

Две дочки, одна взрослая — окончила Институт иностранных языков, работает по специальности. Вторая — школьница, куда она будет поступать, решать ей самой.

И еще вам скажу: думаю, что сегодня нужна коренная перестройка всего процесса обучения актеров и режиссеров на лад, если можно так выразиться, индивидуально-штучной работы. У нас при общем переизобилии актеров очень мало прекрасных, современно подготовленных представителей этого цеха. Зрителю, между прочим, нужны не те, кто имеет диплом об актерском образовании, а те, на кого мы смотрим с волнением и интересом. Актеры — личности.

— Но, как известно, зарплата у актеров такова, что приходится думать прежде всего о том, как и где подзаработать. Большинство вынуждено крутиться между театром, кино, телевидением и радио. Некогда заниматься самообразованием.

— Да, наши актеры пока что получают во много раз меньше, чем актеры социалистических стран, уж не говоря о капиталистических. К тому же большинство актеров снимается редко и в малых ролях. Моя ставка, например, — 50 рублей съемочный день. Эту сумму вы умножаете на съемочные дни — получаете цену роли. На работу, скажем, в картине «Москва слезам не верит» ушло дней 15—20, заработал около тысячи рублей.

— Традиционный вопрос. Каковы ваши ближайшие творческие планы?

— Планов много. Они связаны с радио, в частности, к которому я очень серьезно отношусь уже более 15 лет. Есть курс во ВГИКе, который я считаю своим долгом доучить, все мои ребята приехали в институт из Азербайджана. Есть литературные занятия. Возможно, будут актерские или режиссерские работы, но возраст есть возраст. Поэтому, когда мне исполнилось 60 лет, я подал заявление об освобождении меня от обязанностей секретаря Союза кинематографистов. Считаю, что секретарь должен быть стольким же молодым и сильным, сколько это нужно для создания молодого нового кино.

— И последний вопрос. Интересно, каково ваше личное отношение к критике?

— Я думаю, что критика и вы, журналисты, выполняете функцию зеркала. И поймите меня правильно, зеркало — очень нужная вещь, а актеру и женщине особенно. Ведь актер или режиссер могут иметь самые хорошие намерения, а картина или роль не получится, зритель не поймет. В таких случаях очень важен профессиональный разбор. Но именно квалифицированный, профессиональный, а не написанный в угоду каким-либо конъюнктурным соображениям. Неприятно иной раз читать? Это другой вопрос. Но ведь видеть, что у тебя появились морщины или зуб выпал, тоже неприятно, но лучше об этом знать.

Беседу вел И. ЛОГВИНОВ
На снимке: кадр из кинофильма «Дама с собачкой».

тем, кто творит культуру»

поприбавилось. Взять хотя бы всякие артистические кооперативы. Есть там и прекрасные спектакли, есть новые интересные имена. Но и спекуляции на этом деде предостаточно.

По-моему, ныне и средства массовой информации, и многие люди искусства удивительно однообразны и в поисках темы, и в ее подаче. Слишком очевидны истинные хлопоты многих творцов, которые не выходят за рамки страстного желания заработать или просто любой ценой вынырнуть на поверхность. Это просвечивает и сквозь материал и определяет уповень постановок и внешнюю атрибутику. Предпочитают торговать «верняковым» товаром. Делают ставку на касовую поделку, предпочитают не связываться с чем-то серьезным, спорным. Надежнее ведь переиздать записки Вырубовой или тайные подробности жизни Чайковского, чем опубликовать малоизвестного автора.

Сейчас для нашей комиссии настали трудные времена также в связи с тем, что внутри любого театра, студии, творческого союза — конфронтации. При вытеснении работ на премии это проявляется. И нам тем самым осложняется возможность серьезного, объективного выбора.

Я считаю, что мы обязаны помогать тем, кто этого стоит.

Кто творит культуру, а не торгует ею. И нужен принципиально новый порядок процедуры выдвижения на премирование. Необходимо поддержать, например, наши великие, неповторимые художественные промыслы. Вологодские кружева, палехские росписи, платки павлопосадские. Бедствуют сейчас потомственные умельцы — звонари русских церквей, резчики по камню, мастера деревенской архитектуры.

Было бы наивно полагать, что деньги, розданные в виде премий, как-то залатают прорехи в одежде нашей культуры. Но важная сторона деятельности комиссии еще в том, чтобы указать, что достойно внимания. В сумбуре и потоке всего и на все вкусы отыскать то, что соответствует общечеловеческим ценностям, идеалам художественным, нравственным, духовным. Оценить все тонкости, все скрытые достоинства работы, как бы проста она ни казалась.

— Сегодня, когда рушится одно и утверждается другое, можно сказать, что как-то расплылись рамки нравственности. Спектакли и фильмы без секса, эротики считаются иными уже не вполне современными, даже ханжескими. А как полагаете вы?

— Я считаю, что в искусстве нет запретных тем. Важно, кому, когда и как это будет

показано. Я уже не раз говорил, что считаю ненормальным, когда сегодешний профессор по первой программе телевидения рассуждает о сексуальном образовании и искусстве эротике, а у экрана сидят девчонки-школьницы, часто неопытные, нечесаные, которые элементарных-то вещей еще не усвоили. Вряд ли стоит им толковать о способах любви, надо сначала привить хотя бы элементарные навыки гигиены, культуру взаимоотношений.

— Сегодня в театр часто бегут на «клубничку», в то время как когда-то ходили на актеров — «властителей дум». Мне кажется, вы относитесь к тем актерам, которым грим, костюм не так уж важны, которые имеют право говорить со зрителем «от себя», не прячась за внешнюю характерность. Вам есть что сказать?

— Вы знаете, я просто считаю, что кино, например, настолько близко к лицу, глазам, что на каких-то «штуках» не поедешь, зритель быстро тебя раскусит. Конечно, я всячески стараюсь найти для персонажа выразительную внешность, но вы правы — главный расчет на другое. На то, как ты понимаешь этот характер и что должен сказать о нем зрителю.

— Алексей Владимирович, вы из семьи мхатовских актеров, в какой мере это опреде-

ляло выбор профессии?

— Вы знаете, наша семья жила в театре и в переносном, и в прямом смысле. Поэтому мое представление о театре было, если угодно, детским представлением об устройстве мира. Это трудно объяснить, но загримированные актеры были привычным явлением ежедневной жизни. Я режис, кажется, видел людей без грима. Мне казалось тогда, что все, достигшие взрослого возраста, поступают работать во МХАТ. Поэтому и я буду там работать — в качестве ли декоратора, режиссера, актера, казалось, абсолютно все равно.

— А как вы относитесь к довольно распространенному в искусстве явлению, когда дети артистов идут по стопам родителей? Не гарантирует ли родословная в таких случаях им незаслуженные привилегии?

— Вы сейчас зашли очень серьезную, болезную тему. Конечно, они имеют преимущество уже потому, что раньше других приобщаются к искусству. Если я с детства вокруг сцены болтаюсь, все это вижу, то для меня все в театре привычно, не будет никакой зажатости. Возьмите детей цирковых артистов, которые с шести лет работают наравне со взрослыми. А юные певцы? Скрипачи, которых, включая Паганини, мучствовали с детских лет? Но есть преимущество

«по блату». И я думаю, если начать освобождать места, которые люди занимают не по своим способностям, то тут окажется не столько детей артистов, сколько по звонку устроенных детей и родственников власти имущих. И чтобы помочь развитию, расцвету искусства, надо освободиться от тех, кто, обладая бумажкой об образовании актера и режиссера, по существу, не актер и не режиссер.

На деле реализовать это очень сложно. Допустим, этих людей легко выявить, труднее доказать их профнепригодность. А кроме того, ведь это — живые люди, с определенной судьбой. Ее надо поломать... Но, повторяю, пришло время второго, если хотите, пласта гласности. Когда уже надо не только говорить о том, что болит, а принимать меры. Ведь вопрос о занимающих не свои места выходит далеко за рамки искусства. Разве среди врачей не такая же картина? Эта общая, очень глубоко зашедшая болезнь распространяется, по-моему, на многие профессии. Болезнь непрофессионализма...

— А в вашей семье дети тоже пошли по стопам родителей? — Жена моя — потомственная цирковая актриса, трудовой стаж зарабатывала с десяти лет, сейчас уже на пенсии.